

Здавалося б, в чому полягає небезпека розмов про європейську ідентичність. Проблема полягає в тому, що цією порожньою балаканиною підміняються і, разом з тим, відкладається реалізація основної мети – витягування України з глибокої ями економічної та суспільної кризи і нинішня влада, потураючи такій «європейськості», сама себе ж і послаблює, опосередковано розхитуючи суверенітет держави. Таким чином, ризики відволікання уваги суспільства від досягнення реальних цілей і гонитви за ідеологічними примарами можуть бути дуже серйозними.

Вкрай руйнівними для суверенного статусу України стали навіть зовні неоліберальні догми Вашингтонського консенсусу, реалізація яких призвела до технологічного і ментального роззброєння країни. Згадаймо гасла тих часів, принесені в Україну емісарами з США і підхоплені нашими «модними» реформаторами: «Чим менше держави, тим краще»; «Ринок сам все відрегулює», – які видавалися за безцінний досвід Америки, що зробив США великою країною, а Україну в найкоротші терміни зробить Францією.

Зараз відомо (але не всім), що ці ідіологеми були розраховані на ослаблення суверенітету України, і на її перетворення в джерело сировини і ринок збуту західних товарів. В такій ситуації суверенітет був умовним.

Здавалося б, про реформи тих часів можна забути, адже вони вже в минулому. Але про це треба нагадати з позиції підкріплення суверенітету. Адже в свідомості наших людей, в тому числі і тих, що перебувають при владі, глибоко засіли ідеї неолібералізму як нібито американського шляху успіху. Насправді ж для країн Заходу, передусім для США, неоліберальні рецепти мінімізації ролі держави – це рекомендації не для внутрішнього вжитку. В економічному і суспільному житті США держава посідає ключові позиції, що всі роки мало вирішальне значення для утримання глобального лідерства цією країною. Наприклад, в ті далекі часи (90-ті роки) державні замовлення щорічно досягали 1,5-1,7 трлн. дол. або 20% сукупного обсягу замовлень промисловості. В їх виконанні брали участь щорічно 15-17% населення США, уряд обслуговували 1,5 млн. компаній субпідрядників і 300 тисяч генпідрядників. Не випадково лауреат Нобелівської премії П. Самуельсон охарактеризував уряд США як «найбільше підприємство у світі».

Безсумнівно, що ментальна і державницька безпорадність України, особливо в сферах інституціональній та інноваційній, а також ліквідація довгострокового планування, є наслідком ідеологічного зомбування і, відповідно, перманентного плазування перед американським лібералізмом.

Для України ризики від сповідування цінностей неоліберальної ідеології величезні. Не випадково після останньої світової економічної кризи, спричиненою саме надмірним лібералізмом, лідери різних країн, один за одним, кажуть «ні» цій ідеології.

Хотілося б особливо підкреслити і той факт, що впродовж ХХ століття жодна країна не змогла досягти економічного прогресу, використовуючи неоліберальні рецепти. Так, «азійські тигри» досягли успіху за умов політичного авторитаризму і мобілізаційної економічної моделі, що не мало нічого спільного з ідеями ліберальної демократії; причому Сполучені штати навіть вітали і заохочували проамериканські диктаторські режими. Наприклад, США «аплодували» своєму улюбленцю Лі Куань Ю, який, прийшовши до влади в Сінгапурі, за одну добу звільнив усіх суддів, замінивши їх новоспеченими випускниками юридичних факультетів. І це був крок становлення суверенітету. Доволі обгрунтовано Ф. Фукуяма наголошував на існуванні серйозних емпіричних доказів, що модернізація економік і зміцнення суверенітету країн з ринковоорієнтованим авторитаризмом відбувається більш успішно, ніж за умов демократії. Нині ж повсюдно визнано, що «демократія демонструє свої позитивні якості лише після завершення процесу модернізації», або, як заявив на Петербурзькому Всесвітньому форумі британський економіст Сکیدельський: «Демократія – це нагорода за успіх, а не умова успіху».

УДК 338.984+330.173.34(045)

ДЗАРАСОВ С.С.,
д.э.н., профессор

ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ К ПЛАНОВО-РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Введение

Итоги двадцатилетнего развития по модели англо-саксонского (неолиберального) капитализма явились для экономик России и Украины, как впрочем, для большинства постсоветских государств самыми печальными в их истории. За эти годы реальный сектор экономики этих стран, прежде всего его ведущие отрасли, составляющие машиностроительный комплекс, последовательно разваливались. Если для примера взять Россию, то развитие получил, - и то на старой базе, - в основном нефтегазовые отрасли и производство металла, приносящие стране более двух третей её валютных доходов. Остальные пришли в упадок. В виду однобокости развития мы превратились в сырьевой придаток других стран. Причём, приток валютных доходов в результате повышения цен на энергоносители в мировом рынке приносит нам мало пользы. В своей значительной части

вывозятся в рубеж вместо того, чтобы они вкладывались в отечественную экономику. Кроме того, они маскируют отсутствие роста валового продукта за счёт реального сектора. В виду роста цен на энергоносители показатель физического объёма продукции подменяется её стоимостным (ценовым) выражением и это создает обманчивую видимость благополучия, которого в действительности нет.

Вопреки радужным ожиданиям, которые в начале рыночных реформ их инициаторы обильно сеяли среди населения наших стран, мы оказались у разбитого корыта. Под влиянием ложных ожиданий был сделан ложный выбор относительно модели развития. Как хорошо помнят многие из нас, был сделан под барабанный бой пропагандистской компании о том, какие выгоды сулит принятие англо-саксонской модели рынка. Нас уверяли, что ключ к западному успеху лежит прямо за углом. Стоит заменить плановую экономику на рыночную, раздать накопленные за предыдущие годы богатства тем, кто в нужное время случайно оказался в нужном месте, и всё пойдёт по маслу, как в преуспевающих странах Западе.

Правда, не все поддались такой психической обработке. Многие из нас указывали на неоднозначный характер картины реального мира и упрямо ставили встававшие при этом вопросы. Почему при замечательной рыночной экономике только одна пятая народов составляет благополучный центр мирового капитализма, а четыре пятых – пребывающую в нужде периферию этого центра? Почему, имея один и тот же тип рыночной экономики, например, Северная Америка (США и Канада) процветают, а страны Южной Америки прозябают в нужде? Если зло в плановости, то почему Китай с плановой экономикой развивается семимильными шагами, а многие страны рыночной экономики плетутся в хвосте? К сожалению, на эти вопросы не было никакого ответа. Более того, реформаторы и власти обходили их, как кот горячую кашу. Однако, для науки страусовая позиция прятать голову в песок от ветров времени является самой недостойной. Поэтому рассмотрим, что означал сделанный нами в свое время выбор, к чему он нас привёл, и какая альтернатива ему теперь существует.

1. Ложный выбор

С самого начала, на мой взгляд, со всей определенностью следует сказать, что причина постигших нас за годы реформ неудач в развитии экономики и социально-политических неурядиц сводится к тому ложному выбору модели развития, который был сделан нашими странами в начале 90-х гг. прошлого века. Чтобы не быть голословным, приведём данные Мирового банка о росте ВВП за последние 20 лет. Они с полной определенностью показывают сомнительную ценность того выбора модели рыночной экономики, который наши страны сделали по рекомендации действующих под эгидой США международных организаций.

Здесь следует пояснить, почему взяты именно эти стран. Потому что в них (кроме России) произошли цветные революции, которые я оценил иначе, чем принято. Внешне они были направлены против президентов своих стран. На самом деле они были выражением возросшего недовольства населением сложившимся положением вещей. Что действительно это так, подтвердилось тем, что новые президенты не оказались – да и не могут быть – лучше старых. Акиев не был и не мог быть лучше Акаева, Ющенко не мог быть и не был лучше Кучмы, потому что проблема не в президентах, а в принятой соответствующими странами модели развития.

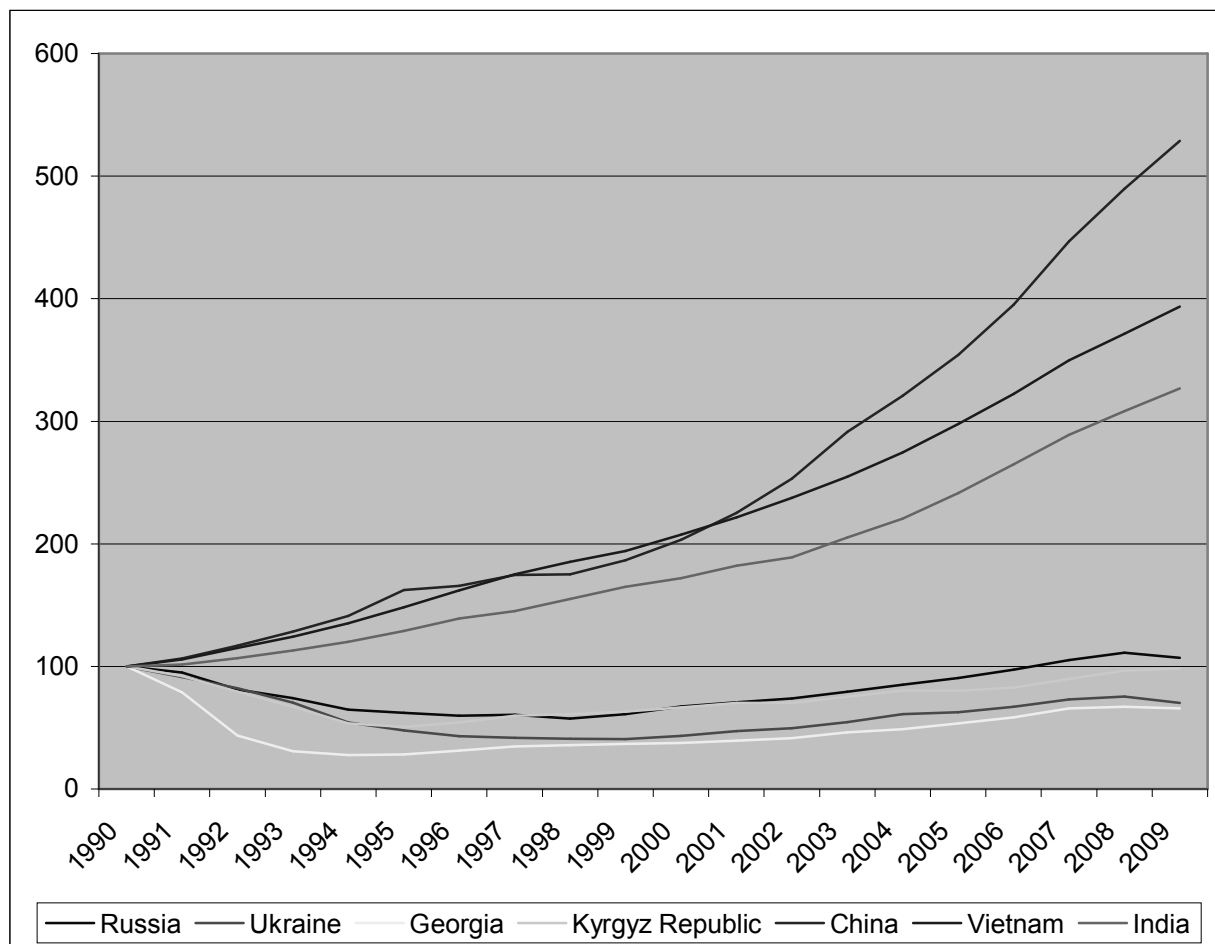
Динамика ВВП стран, принявших (левая половина) и не принявших (правая половина) принципы Вашингтонского консенсуса

	Russia	Ukraine	Georgia	Kyrgyz Republic	China	Vietnam	India
1990	100	100	100	100	100	100	100
1991	95	91	79	92	107	106	101
1992	81	82	43	79	117	115	107
1993	74	71	31	67	128	124	113
1994	65	54	28	54	141	135	120
1995	62	48	28	51	162	148	129
1996	60	43	31	54	166	162	139
1997	61	42	35	60	175	175	145
1998	57	41	36	61	175	185	155
1999	61	41	37	63	187	194	165
2000	67	43	38	67	203	207	172
2001	71	47	39	70	225	222	182
2002	74	50	41	70	253	237	189
2003	79	54	46	75	291	255	205
2004	85	61	49	80	321	275	220
2005	90	63	53	80	354	298	241
2006	97	67	58	83	395	322	265
2007	105	73	66	90	447	350	289
2008	111	75	67	96	490	371	308
2009	107	70	66	98	529	394	327

Таблица, составленная из данных, взятых нами из сайта Мирового банка показывает разительный контраст. В тех странах, кто предпочёл жить чужим умом – в данном случае это Россия, Украина, Грузия, Киргизстан – ВВП резко покатился вниз. Приняв ортодоксальную (англо-американскую) модель, они пережили глубокий спад своих экономик, и за 20 лет не могут оправиться от этого шока. Лишь Россия, благодаря нефтедолларом еле достигла уровня 1990 года. В Украине, как и в других показанных в таблице стран нет нефти или чего другого, что можно продавать на мировом рынке, не было долларowego дождя, а потому никак не может дотянуться даже до уровня двадцатилетней давности.

Чтобы сделать картину более ясной, покажем её графическое изображение.

Динамика внутреннего валового продукта в двух группах стран

Источник: *The Conference Board Total Economy Database, January 2010, <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>, доступ осуществлен 15.08.2010.*

Экономика же тех стран, кто предпочёл жить собственным умом, оказались достаточно умными, чтобы понять подноготную Вашингтонского консенсуса и отвергли его, разработали модель экономики в соответствии с собственными интересами, пошла резко вверх. Объём ВВП за указанные года в Китае увеличился в 5,3, Вьетнама в 4, Индии в 3, 2 раза. Вот что означает верный и неверный выбор модели развития!

От чего такой разительный контраст? От различий уровня культуры и ответственности элит разных стран перед своими народами. Наши народы оказались обречёнными жить чужим умом, поскольку не обладаем элитой, которая ставила бы интересы нации выше собственных корыстных интересов. В результате, как показывает график, опустилась в какой-то подвал, выбраться из которого стала весьма проблематичной.

Что дело обстоит именно так, подтверждается ещё и другой таблицей тоже, взятой из Интернета.

Как видно, в 1970 году РСФСР занимала второе место по объёму ВВП в мире. Даже гораздо меньшая по территории и населению Украина входила в десятку крупнейших стран по объёму ВВП. А что теперь, в результате осуществлённых реформ? Теперь эти места безвозвратно утеряны. Украине с 70 процентами от объёма советского времени возврат к первой десятке стран уже заказан, и, наверное, ей больше этого не видать. Но и Россия не в лучшем положении. Откатившись со второго в 1970 году на десятое место в 1998 году, она теперь благодаря долларovým доходам еле протиснулась на 6 место, которое ей едва ли долго удастся удержать.

Ранжировка ведущих стран мира по объёму валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности)

	1970 год	1989 год	1998 год	2008 год
1	США	США	США	США
2	 РОССИЯ	Япония	Китай	Китай
3	Япония	 РОССИЯ	Япония	Япония
4	Германия	Германия	Германия	Индия
5	Франция	Китай	Индия	Германия
6	Великобритания	Франция	Франция	 РОССИЯ
7	Италия	Италия	Италия	Великобритания
8	Китай	Великобритания	Великобритания	Франция
9	Индия	Индия	Бразилия	Италия
10	Украина	Бразилия	 РОССИЯ	Бразилия

Однако, беда отката назад не сводится только к потере престижа. Мало того, что сегодняшний украинский пирог съёжился до 70% величины советского времени. Произошло ещё и другое. Его куски теперь распределены таким образом, что самые большие из них отхвачены горсткой богатейших людей, имевших мало отношения к его созданию, а тем, кто его создавал, достались жалкие крохи. Недальновидно закрывать глаза на то, что в этой несправедливости заключён потенциал возможных социальных потрясений, с непредвиденными последствиями.

2. Необходимость альтернативной модели экономики

Сказанное выше даёт основание констатировать, что рынок в том виде, в каком он был предложен Западом и принят нами, не оправдал наших надежд. Поэтому приходится, с одной стороны искать объяснение тому, почему так получилось, а с другой, альтернативную теоретическую концепцию тому, что есть.

Что советский догматизм не походит для этой цели, подтвердил крах социалистической системы. Но несчастье в том, что принятая вместо него теория экономического либерализма оказалась еще хуже. Советский марксизм, хотя и в догматической форме, но всё-таки отражал нашу жизнь и проблемы. Принятая нами неоллиберальная теория, столь же догматична, а от нашей действительности куда более далека. Тем не менее, именно она легла в основу проведенных у нас реформ, которые свелись просто к разворовыванию накопленных за все предыдущие годы богатств.

Теоретические истоки этих несчастий я нахожу в догматах принятой нами либеральной, (неоклассической) теории, которая под названием экономикс заняла господствующее положение в нашей науке и преподавании. Толком не разобравшись что к чему, мы приняли предложенный Западом залежалый теоретический товар, при помощи которого обеспечивается доминирование американского влияния в мире. Между тем, мировая экономическая мысль чрезвычайно богата и разнообразна, и следовало бы лучше уяснить, что из этих богатств нам подходит, а что нет. За фасадом того, что рекламируется для сбыта за рубеж, остаются бесценные идейные бриллианты, добытые, в частности, выдающимися представителями англо-американской экономической мысли. Чтобы найти их надо просеять немало теоретической «руды». Эту нелегкую работу над

альтернативной экономикой никто не финансирует, и ее приходится осуществлять за свой счёт, движимый профессиональным интересом и чувством гражданской ответственности.

В сложившейся ситуации для нас нет ничего важнее, чем альтернативная теоретическая концепция, адекватно объясняющая нашу ситуацию и предлагающая модель более успешного развития. Конечно, время назад не течёт, и возврата к прошлому нет. В то же время полный отказ от своего прошлого означает признание своей ущербности, для чего никаких оснований нет. В прошлом нашей страны было много плохого, но было и немало хорошего. У нас был не только Гулаг, но мы стали также второй державой мира, а значит, были движущие силы, которые подняли нас к этой высоте. Поэтому нельзя отказываться от собственного материального и идейного наследства и думать, что чужим умом найдём лучшую «дорогу к храму».

Чтобы изменить свою судьбу к лучшему, прежде всего, следует отказаться от слепого копирования чужого опыта, принимать не то, что нам предлагают, а то, что нам подходит. В этой связи самого серьёзного внимания заслуживает то, с какой полнотой и прямотой вскрываются механика и последствия реформ в наших странах в периодической и специальной литературе западными авторами. В то время, как у нас обычно ограничиваются робко выраженным недовольством их результатами, в западной литературе вскрывается их подлинная подноготная [1]. Добросовестные авторы не скрывают, что предложенная нам модель рынка имела иные цели, чем те, о которых говорилось. Шоковая терапия и обвальная приватизация были троянским конём, запущенным, в наши страны с целью их превращения в сырьевой придаток Запада.

«Преобразовательные задачи для стран Центральной и Восточной Европы с самого начала 90-х годов, - пишет американский институционалист Дж. Ангресано, - исходили из интересов Запада и определялись идеологическими постулатами, присущими неоклассической теории, такими, как предоставление рынка западным кредиторам, доступ к сырым материалам этих стран и усиление политического влияния в регионе» [2].

Подобная направленность российских реформ, с самого начала ясной многим на Западе, долгое время не доходила до сознания нашей общественности. Даже среди профессиональных экономистов преобладало представление, что отказ от плановой и переход к рыночной экономике поднимет страну до новых высот. Не было понимания разнородности капиталистического мира, стратегии развитых стран, их заинтересованности в том, чтобы не создавать себе конкурентов, а исключать их путём подчинения менее развитых стран своим интересам. Преобладало мнение об однородности капиталистического мира, которое было выражено Марксом в предисловии к первому тому «Капитала», где писал, что «страна промышленно более развития показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [3].

Но так было на заре капитализма. Однако в последующем всё изменилось. Экспансия капитала путем захвата источников сырья и рынков сбыта товаров в XX веке создала новую ситуацию. Чем больше доставалось одной стране, тем меньше оставалось другой. Прежняя однородность сменилась глубокой разнородностью. В такой ситуации развитые страны не могли сохранить свой доступ к мировым ресурсам, иначе как путем торможения индустриального прогресса неразвитых стран.

В такой стратегии нельзя видеть заговор или злую волю. Она диктуется объективными обстоятельствами, природой капитализма, по которой преследование собственного интереса, будь то отдельный человек, фирма или страна считается нормой политики и поведения. Это привело к тому, что мир давно разделился на развитые и отсталые страны. Известный теоретик мир-системного анализа И. Валлерстайн именует развитые страны «центром или ядром» мирового капитализма, а отсталые страны его «периферией». Он пишет, что «отсталость – это не «неразвитость», т.е. не некая исходная докапиталистическая или до современная стадия бытия, а следствие исторического процесса мирового развития, ведущего к установлению взаимозависимости между ядром и периферией. Отсюда следует, что дальнейшее расширение и углубления разделения труда в мировом масштабе приведут не к национальному развитию, как утверждали девелопментисты, (сторонники теории развития – С. Дз.) а к углублению отсталости стран периферии» [4].

Многие другие ведущие специалисты в этой области (Пребиш, Самир Амин, Эммануэль и др.) также связывают феномен отсталости с положением, которое данная страна занимает в миро-системе капитализма. Те, кто прорвался вверх и неплохо там устроился, не заинтересованы в том, чтобы их ряды пополнялись новыми претендентами на долю мирового пирога. Наоборот, говорят исследователи этой проблемы, развитые страны создали такую систему торгово-экономических и финансовых отношений, чтобы держать отстающие страны в полной зависимости от себя и не пропускать их вверх. Свободный рынок, где существует формальное равенство сторон, а фактический результат всегда складывается в пользу развитых стран, является важнейшим условием сохранения этого порядка. «Силы мирового рынка, - пишет тот же Валлерстайн, - обеспечивают поддержание такого нежелательного «равновесия» [4, с. 673].

Подобная оценка современной мировой ситуации позволяет по-другому взглянуть на положение нашей страны в советский период, а затем и на то, почему так, а не иначе проводились реформы в наших странах. Выходит, что развитость не является функцией той или иной системы, рыночной или плановой, капиталистической или социалистической, а положения, которое та или иная страна занимает в миро-системе. Так, страны Латинской Америки всегда были капиталистическими и «командно-административная система» не могла мешать их развитию. Тем не менее, они были и пока остаются отсталыми, так как принадлежат не центру, а периферии мирового капитализма. С другой стороны Китай широко использует «командно-административные методы» ведения хозяйства, что не мешает ему иметь самые высокие темпы экономического роста и уже наступает на пятки США уверенно продвигаясь к роли ведущей державы мира. Можно сказать, что

он уже вырвался из положения полу периферийной страны, в то время как мы возвратились к нему. Каково положение страны в мире, таковы и темпы его роста, наоборот.

То же самое следует сказать и о советской экономике. Выходит, что уровень её развития определялся не тем, что она не была рыночной, а положением СССР в мире, где он, в отличие от развитых капиталистических стран, не мог питаться чужими соками. Что рыночная экономика не является панацеей от отставания и вовсе не содержит потенциал роста и процветания подтверждено теперь не только опытом других, но и нашим собственным переходом к ней. После перехода к рынку мы не только не приобрели новый, а утратили свой прежний потенциал по той причине, что утратили свою самостоятельность и наша экономика постепенно подчиняется интересам обслуживания других стран. При такой подчинённости чужим интересам, как наша, никакая экономика не сможет стать развитой.

За двадцать лет следования по принятой нами модели рынка физической объём промышленной продукции страны не возрастал, а снижался, и сейчас он ниже, чем в советский период. Размеры доклада не позволяют более подробно останавливаться на других сторонах постигшей нас беды, техническом отставании экономики, снижении уровня жизни основной массы населения, росте безработице, углублении контраста между бедными и богатыми, росте смертности населения, вывозе отечественного капитала за рубеж, катастрофическом старении производственного аппарата страны, и многом другом. Развал нашей экономики и социальной сферы является столь же печальным, сколь и неоспоримым следствием принятой нами модели развития.

В свете полученных результатов следует оценивать и проведенные у нас рыночные реформы. Если бы их целью был подъём российской экономики до уровня развитых стран, как это декларировалось в соответствии со знаменитым Вашингтонским консенсусом, то за 20 лет рыночных реформ был бы значительный прогресс в этом направлении. Но происходило прямо противоположное: перевод относительно развитой страны в положение слабо развитого периферийного капитализма. Предложенная нам Гарвардскими мальчиками, за спиной которых видны силуэты высокопоставленных чиновников Госдепартамента и ЦРУ. Шоковая терапия и обвальная приватизация государственной собственности никакой другой цели кроме развала наших экономик и их переподчинения интересам цетра мирового капитализма, не имели. Не надо обладать семью пядями во лбу для понимания того, что эффективные собственники тысячами нигде не валяются и в одночасье неоткуда возникнуть не могли. В результате экономики наших стран оказались не столько в руках эффективных, сколько криминальных собственников.

Поэтому одномоментная приватизация (шоковая терапия), на которой настаивали засланные к нам западные специалисты и их отечественные помощники, могла только разрушать экономику. Так оно и произошло. Уникальные предприятия со сложнейшей технологией задарма оказывались в руках людей, не имевших ни малейшего представления о том, что с ними делать.

Отечественное станкостроение разрушено и теперь мы покупаем устаревшие БУ (бывшие в употреблении) станки за рубежом. Таким примерам счёта нет. Не появился собственник, способный заботиться о модернизации изношенных производственных фондов. Отсюда рост техногенных катастроф одна страшнее другой. Создаваемые по их поводу комиссии не раскрывают ту правду, что от существующих объектов доходы выкачиваются в частные карманы при полной беззаботности об их обновлении и модернизации.

Это бесследным не остаётся. Одна технологическая катастрофа следует за другой. Промышленные объекты взрываются, самолеты падают, а тем временем выкаченные из российской экономики доходы миллиардами уплывает за рубеж. Общая сумма вывезенного капитала достигла астрономической величины в 1,3 триллиона долларов, что сопоставимо со стоимостью всех основных фондов России [5]. Это типичное явление периферийной экономики, когда капиталы вкладываются не в отечественную экономику, а помещаются в зарубежные активы. Так центр принуждает периферию работать на себя. Нам же нужна модель экономика, которая служила бы не чужим, а нашим собственным интересам.

3. Разнообразие моделей экономики

Из сказанного выше, на мой взгляд, определённно вытекает вывод о необходимости замены существующей у нас модели экономики альтернативной моделью развития с иным местом в ней ныне господствующего класса. Для этого есть определенные теоретические предпосылки, чего нельзя сказать о практических в смысле решимости изменения ситуации к лучшему.

В соответствии с профилем доклада рассмотрим теоретическую сторону альтернативной модели экономики.

Как было отмечено выше, в XX веке капитализм претерпел существенные изменения, когда из однотипного он превратился в разнотипный. До этого в Западной Европе и Северной Америке существовала одна модель капитализма, отмеченная формулой *laissez faire*. Именно этот капитализм анализировали теоретики конца XVIII и всего XIX века (Смит, Риккардо, Мальтус, Сэй, Милль, Маркс, Менгер, Вальрас, Дживонс, Кларк, Маршалл и др.), сформировавшие экономическое мышление не только своего, но и последующих поколений.

XX век подорвал монополию сложившейся до этого экономической модели. Во-первых, тем, что в начале в СССР, а затем в ряде других стран возникла альтернативная капитализму модель планового ведения хозяйства. Во-вторых, возникла альтернативная как *laissez faire*, так и централизованному планированию, модель кейнсианского регулирования экономики с «государством всеобщего благосостояния». В-третьих,

путем соединения идей Маркса и Кейнса с национальной спецификой возникла китайская модель планово-рыночной экономики, показывающая наиболее высокую эффективность и темпы экономического роста.

Словом, наряду с двумя социальными системами и внутри них во второй половине XX века возникло то, чего не было раньше - разные модели экономики, которые мыслители прошлого, включая Кейнса, не могли анализировать. Очевидно, по этой причине у нас эта проблема не пользуется вниманием, в то время как на Западе ей посвящена значительная литература [6].

Так, со ссылкой на других авторов, в частности Холла и Соскиса, профессор Кембриджского университета Дэвид Лейн разграничивает две модели капитализма. Одну из них он называет «либерально-рыночной экономикой» (Liberal Market Economy - LME), а другую «скоординированной (или организованной) рыночной экономикой» (Coordinated or organized Market Economy - CME). Объясняя разницу между ними, он пишет: «Модель либерального рынка применяется в англо-саксонских обществах – США, Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Фирмы оперируют здесь на конкурентных рынках во всех областях экономической жизни, с ценовыми сигналами и спросом и предложением как главными индикаторами. Наблюдается значительная дополняемость институтов и процессов. Подобные экономические системы обладают высоким уровнем капитализации рынка ценных бумаг, низкой защитой занятости, высокими ставками оплаты труда и значительным неравенством доходов. Экономика характеризуется слияниями и поглощениями через фондовый рынок, слабыми профсоюзами и низкой защищенностью труда» [7].

Здесь речь идёт по существу о несколько изменённой модели экономики XIX века. Её-то мы и приняли по рецептам чикагско-гарвардской школы экономистов. Многие другие, как уже говорилось, не стали этого делать. Вместо копирования англо-саксонской системы разработали собственный подход в соответствии со своей спецификой и целями развития. Об альтернативной модели тот же автор пишет:

«В экономике второго вида (CME) деятельность фирм координируется через нерыночные связи. Они включают сеть мониторинга, основанную на обмене частной информацией, и отношения сотрудничества (а не конкуренции) между компаниями. Для Холла и Соскиса (Hall and Soskice) Германия, Дания, Франция и Япония являются примером таких систем. Они обладают высоким уровнем защиты занятости, невысокой капитализацией рынка ценных бумаг, относительно меньшим числом рабочих часов и относительно низким уровнем неравенства доходов. Поглощения относительно редки и профсоюзы отстаивают интересы труда. Деятельность компаний координируется через вертикальные или горизонтальные ассоциации фирм» [7]

К сожалению, всего этого наша экономическая наука не замечает. Мы по инерции продолжаем воспринимать *laissez faire* как подходящий для всех универсальный принцип рыночной саморегуляции («невидимая рука рынка»). Между тем возникли и эффективно функционируют альтернативные модели рынка и капитализма.

Укажем на то, что они собой представляют.

Каждая из них имеет собственную целевую функцию и набор инструментов. Под ними понимаются работающие на имеющуюся цель институты, инфраструктура, традиции и даже соответствующий менталитет населения. В виду такого неразрывного единства цели и средств её достижения сплошь и рядом получается, что подходящее в одних условиях инструменты оказывается не подходящим в других.

Так, целевой функцией принятой нами неоклассической (часто её называют англо-американской) модели рынка, как известно, выступает максимизация прибыли. Вся инфраструктура капитализма, институты государства и общества, правовые и этические нормы, средства массовой информации, вплоть до учебных планов колледжей и университетов приспособлены к достижению этой цели. В числе множества других это относится также к поддержанию так называемой «естественной нормы безработицы» в размере 3-4% от общей численности рабочей силы. Без этого не будет конкуренции за рабочие места, а, следовательно, невозможно поддерживать заработную плату на уровне, который именуется предельным продуктом труда.

Теперь сравним это с тем, что видим, например, в Японии. Японская специфика столь значительна, что тянет на собственную модель. Один только пожизненный наём чего стоит. Он исключает конкуренцию на рынке труда, без чего западный капитализм немислим. Дальше – больше. Каких бы звёзд с неба ни хватал молодой человек, каких бы связей у него ни было, в Японии он не может получать больше старого, опытного, обремененного семьёй работника. Заработная плата в Японии определялась возрастом, стажем работы в компании, семейным и социальным положением работника. Ничего похожего на это на Западе нет.

В годы «японского чуда» безработица не достигала 2%, что означает её фактическое отсутствие, а рост заработной платы настолько превышал инфляцию, что сводила её на нет. Сотрудничество между бизнесом и государством носило иной характер, чем на Западе. Главный источник роста японской экономики состоял в том, что государство эффективно ею дирижировало. Никто не называет это «командно-административным произволом». Наоборот, японские авторы об этом говорят с гордостью:

«Центральная администрация, - пишет один из них, - является главным хранителем общественного интереса. Она решает в чем этот интерес состоит. Решение о том, как национальная экономика должна быть упорядочена или структурирована, принадлежит администраторам, которые формируют бюджет, предлагают руководящие указания для бизнеса, заключают государственные контракты, распределяют субсидии, займы, инвестиции и осуществляют закупки благоприятным или неблагоприятным образом для определенных отраслей и предприятий. Другими словами, правительство, действуя через своих администраторов, продвигает, защищает, контролирует, регулирует, и часто управляет экономической деятельностью» [8].

Тем не менее, японская экономика оставалась составной частью мирового капитализма и, так или иначе,

подчинялась его законом. Вследствие этого рано или поздно её специфические черты должны были и действительно уступили давлению глобальных процессов. В результате темпы роста японской экономики снизились, и она так же, как и других стран оказалась в глубоком кризисе.

Однако, самой привлекательной для нас выглядит китайская планово-рыночная модель экономики. Своими впечатляющими успехами она колет глаза российскому правящему классу, и он возвел информационный заслон на пути её изучения, а потому за пределами узкого круга специалистов, изучающих китайскую экономику, мы мало о ней знаем. Между тем, именно китайский пример, как опыт успешного перевода бывшей плановой экономики в рыночную, представляет для нас наибольший интерес.

Китайская экономика нацелена не на прибыль, а, насколько это возможно, на рост народного благосостояния. Это то главное, чем она отличается, как от западных, так от экономик бывших социалистических стран. Но так как уровень жизни полутора миллиардного ещё три десятка лет назад находившего на самом низком уровне за это время нельзя поднять до уровня развитых стран, то этим заслоняется впечатляющий факт, что уже давно «японское чудо» сменилось ещё более разительным «китайским чудом». Беспримерно высокие темпы экономического роста, одновременно сопровождались переводом китайской экономики на уровень высоких технологий, а страна выдвигалась на самые передовые рубежи мировой экономике и торговле.

От чего это так удалось? От того, что Китай, в отличие от нас и других бывших социалистических стран Восточной Европы, не принял, а отверг преобразования по Вашингтонскому консенсусу и стал разрабатывать собственную модель экономики и стал развиваться по ней. Сами китайцы называли её по-разному. То «социализм с китайской спецификой», то «социалистической рыночной экономикой», то, «планово-товарным хозяйством». В дихотомии «план-рынок» в разные периоды осуществления реформ китайцы делали акцент то на одной, то на другой стороне, но большей частью она выражалась в формуле: «государство регулирует рынок, а рынок ориентирует предприятия».

При всех различиях во взглядах и формулировках речь шла об увязке, завоёванных в итоге народной революции социалистических ценностей с традиционными ценностями древней китайской цивилизации. Это то, что не было предусмотрено в традиционном марксизме, который предполагал, что новая социалистическая (коммунистическая) формация будет одновременно созданием новой цивилизации. Но реальный ход истории преподнёс тот сюрприз, что полностью уйти от своих традиций невозможно. Как бы их не выгонять во дверь, они влезают в окно.

Здесь мы видим глубокое отличие китайских реформ от наших. Осуществляя реформы по неоклассической модели, мы отказались не только от советского прошлого, но и от снято существовавших в нём ценностей российской цивилизации, таких, как социальная справедливость, коллективизм и взаимопомощь людей друг другу. Вместо этого и многого другого приняли ценности западной цивилизации, согласно которым каждый сам за себя со своим индивидуализмом и рационализмом. Собственно к этому сводится требование *laissez faire laissez passé*, что надо рассматривать идеологию социального дарвинизма, когда одному нет дела до другого. Современное западное общество, конечно, уже не является таким, но всё равно остаётся наследником этой традиции, воплощённой в ортодоксальной неоклассической теории и модели экономики. Отсюда сведение государства к роли ночного сторожа частнособственнических отношений.

Китай решительно отверг эти постулаты ортодоксии как не соответствующие его традициям и условиям развития. В Китае не только не стали изгонять государство из экономики, а, наоборот, совершенствовать его как основной инструмент осуществления экономической политики, создания макроэкономической обстановки, предотвращения монополизма, противодействия коррупции, исключения несправедливого распределения национального дохода. В этом отношении негативный опыт российских реформ оказался бесценным предупреждением для Китая совершенствовать собственную планово-рыночную модель, принципиально отличную от той, какую предлагал Запад. Идя собственным путём, Китай и другие страны, не принявшие Вашингтонский консенсус страны обеспечил себе никому другому недоступные, а тем более странам бывшего Советского Союза, темпы экономического роста. Выше приведенная таблица и её графический рисунок показывают это с полной определенностью. Первая группа стран развивает свою экономику по либеральной англо-американской модели, а вторая группа стран в соответствии с собственной спецификой, по планово-рыночной модели.

Причины успехов китайских реформ, один из видных экономистов страны Шэн Хун объясняет следующим образом. «Эти успешные реформы проводились отнюдь не в соответствии с рекомендациями ортодоксальной экономической теории. Можно даже сказать, что именно те реформы, которые оказались не слишком успешными, проводились в соответствии с проектами, разработанными в рамках ортодоксальной экономической теории. Уже сам этот факт представляет собой вызов ортодоксальной экономической теории» [9].

Китайские реформаторы и экономисты подчеркивают, что именно печальный опыт бывшего Советского Союза и Восточноевропейских стран явился для них хорошим уроком, из которого они сделали надлежащие выводы. Они состояли в том, что никаких крутых поворотов и «шоковой терапии»! Максимум осмотрительности, присматриваться к собственному опыту и улавливать его подсказки. Таким же был подход к делу со стороны Индии и Вьетнама. Отсюда разница в результатах. Приведём на этот счёт суждение двух гонконских учёных, Хэ Гаочао и Ло Цзинь.

«Потрясающие успехи китайской реформы, - писали они, - привели к глубокому кризису теории:

китайская реформа, проводимая по принципу «переходить через реку, нащупывая камни», так непоследовательна, ей так не хватает размаха, присущего «большому взрыву» или «шоковой терапии», многие специфически китайские методы преобразований и создаваемые в ходе реформы институты так далеки от предусмотренных моделью свободной рыночной экономики, основанной на частной собственности, а ведь именно эту описанную в учебниках модель многие считали единственным приемлемым способом преобразования социалистической плановой экономики. В условиях, когда бывший советский Союз и страны Восточной Европы, начавшие реформы в соответствии с этой моделью и избравшие рецепты «большого взрыва» или «шоковой терапии», потерпели поражение, а «ни на что не похожая» (сы бу сян дэ) китайская реформа полна жизненной силы, люди не могут не посмотреть в лицо фактам и не задуматься, что же в конечном счёте оказалось ошибочным: китайская реформа, проводимая не по правилам, или же принятая за образец модель свободной экономики» [9, с.246].

Верно, конечно, что таких «взрывов» и «шоков» как у нас, у китайцев не было. Временами они даже отступали, нащупывая почву под ногами, но тем вернее был следующий шаг. Взлёт китайской, индийской и вьетнамской экономик надо оценивать на фоне спада экономики наших стран. Из своего выбора пути развития и достигнутых успехов китайские экономисты делают скромный вывод о кризисе неолиберальной (неоклассической) ортодоксии.

Если бы предложенные западными методологами Поппером, Куном и Лакотошем критерии научной состоятельности и несостоятельности соблюдались на практике, то надо было бы признать китайскую концепцию планово-рыночной экономики революционным переворотом в экономической мысли, заслуживающей широкого признания. При этом следует принимать во внимание не только успехи одних, но и провалы других, что надо рассматривает как подтверждение научной состоятельности одной и несостоятельности другой экономической парадигмы. Выходит, что опыт развития подтвердил (верифицировал) теорию сочетания плана и рынка как наиболее эффективную систему ведения хозяйства. В то же время, тот же опыт опроверг (фальсифицировал) основные постулаты неоклассической ортодоксии, не только то, что называется «защитным поясом (protective belts), но и твердым ядром (hard core). Тем не менее, Нобелевские премии присуждаются западным, преимущественно американским экономистам, в то время как среди китайских экономистов, по мнению Нобелевского комитета, не оказалось ни одного, достойного этой награды.

4. Переход к планово-рыночной модели экономики

Отказ от сложившейся у нас модели экономики, разумеется, не может быть гладким и одного научного доказательства для этого мало. Какой бы негодной не была существующая у нас модель для общества в целом, она чрезвычайно выгодна тем, кто при ней составил много миллиардные и много миллионные состояния, и для её защиты они будут прибегать любым средствам, вплоть до самых крайних. Для преодоления их сопротивления понадобится широкий арсенал средств. Одним из них в этом ряду следует считать пример более высокой эффективности альтернативных моделей экономики.

Как мы пытались показать выше, об этом говорит опыт стран, живущих собственным умом и демонстрирующих высокие темпы роста. Не менее важным аргументом в пользу смены модели развития является наша растущая беспомощность перед лицом надвигающихся на нас внутренних (недовольство населения) и внешних (агрессивность внешних сил) угроз, опасность которых следует учесть пока не поздно. Для их предотвращения, догмы о чудодейственности рынка, как и опасения о том, кто как будет реагировать за рубежом, следовало бы отбросить. Будущие неприятности могут оказаться гораздо большими, чем нынешние.

Мир уважает сильных и презирает слабых. Сегодня Запад уважает коммунистический Китай и пренебрегает капиталистической Россией, потому что Китай на горе, а Россия в яме. Из этого, как из многого другого, вытекает тот вывод, что для нас хороша та модель экономики, которая обеспечивает рост экономической мощи страны. При этом название модели не имеет значения. Как говорил восточный мудрец: неважно, какого цвета кошка – важно чтобы она ловила мышей.

Нам следует исходить из того, что показал опыт истекших 20 лет: модель рыночного саморегулирования, по которой богатства отданы частным лицам, не способна обеспечить модернизацию экономики, кто бы, сколько об этом не говорил. Наша ситуация характеризуется известной притчей, что вы можете повести лошадь на водопой, но не можете ее заставить пить. Мы отдали свои капиталы частным лицам, но мы не можем заставить их развивать и модернизировать экономику. Во-первых, потому что они в этом не заинтересованы, ибо перед ними открыты возможности более легкой добычи; во-вторых, потому что, выдвинутые приватизацией собственники не обладают теми инновационными и организационными талантами, которые необходимы для модернизации экономики. Как уже говорилось, средства производства переданы не эффективному собственнику, а мошеннику и моту, который способен воровать, но не создавать. Неслучайно, одним из аргументов помещения наших валютных резервов за границей считается, что иначе они будут разворованы. Хорош «эффективный собственник»! Мало, что сам не приращивает общественное богатство, а ещё нацелен на захват того, что есть у общества. При всех условиях, необходимую нам модернизацию экономики нынешний собственник осуществить не может.

Сохранять подобное положение неизменным, значит, не предотвращать угрозы, а провоцировать их опасную развязку. Коль скоро приватизация в том виде, в каком она была проведена, себя не оправдала, то надо сделать вытекающий отсюда вывод: создать условия, чтобы не на словах, а на деле на авансцену нашей экономики вышли и подобающее положение заняли эффективные собственники и управленцы.

В рамках существующей модели экономики сделать это невозможно, поскольку она исходит из неразрывного единства прав собственности и управления, и приоритетности первых над вторыми. Модель экономики, названная нами планово-рыночной исходит из другой реальности: собственность отделена от управления, и судьбу экономики в ней решает не столько собственник, сколько менеджер. В далеком XIX веке остались времена, когда фирмой владел и управлял её собственник. В современных условиях подобное можно встретить разве что, в торговой лавке. К сожалению, наша приватизация была проведена по такой анахронической модели. Теперь эту ситуацию надо исправить, опираясь на имеющиеся в науке разработки и опыт развитых стран.

Ещё в начале 30-х годов американские экономисты А. Берл и Г. Минц указали, что в виду распыления акций и чрезвычайного усложнения процесса управления происходит формирование особого класса управляющих (менеджеров), которому собственники (акционеры) делегируют свои полномочия по текущему управлению своими компаниями. На этом основании, утверждали эти авторы, ответственность выходит за пределы узкого интереса собственника и превращается в ответственность перед обществом. Они писали:

“Мыслимо – и в действительности кажется почти необходимым для выживания корпоративной системы – чтобы «контроль» над крупными корпорациями развился в чисто нейтральную технократию, балансирующую между требованиями различных групп общества и предписывающую каждому из них порцию потока доходов на основе политики общества, а не алчности индивида” [10].

В последствие другой американский экономист Бэрнхейм развил эту идею дальше, и превратил её в теорию «революции управляющих». Бэрнхейм утверждал, что в виду перехода функций управления от собственников к управляющим, капитализм превращается в «управленческий капитализм» (*managerial capitalism*), в котором решающей фигурой экономики выступает уже не собственник, а менеджер. Данная Бэрнхеймом оценка капитализма подвергалась критике слева и справа. Однако для нас сейчас важнее всего то, что она отражает современную реальность. На этом основании она, во-первых, была принята посткейнсианством и развита дальше его представителями; [11] во-вторых, легла в основу характерной для многих стран Европы и Азии социал-демократической модели экономики (СДМЭ), независимо от того, называется она так, или как-то иначе.

В отличие от нас, безоговорочно принявших неоклассическую (либеральную) модель экономики и теперь молящихся на неё, западная экономическая мысль, рассматривает и критически оценивает разные модели. Не входя здесь в их детальное рассмотрение, отметим разграничение, проводимое ими между Либеральной моделью экономики (ЛМЭ) и названной выше социал-демократической.

Обе модели исходят из того, что было указано выше: с возникновением крупных корпораций управление ими чрезвычайно усложнилось. С одной стороны произошла такая специализация его различных функций и так усложнилась координация между ними, что собственник оказался уже неспособным осуществлять единоличное руководство делами фирмы. С другой стороны, стало рискованно класть все яйца в одну корзину, и собственник предпочитает инвестировать капитал в различные компании (диверсификация) и довольствуется дивидендами по акциям. Что касается участия собственника в управлении, то в разных моделях экономики, оно имеет разные формы.

ЛМЭ наиболее полно выраженная в англо-саксонских странах – США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии – во всём ориентирована на рынок, его ценовые сигналы, механизм спроса и предложения и конкурентные результаты. Она характеризуется высоким уровнем заработной платы занятых, но невысоким уровнем занятости, социальной обеспеченности граждан, ограниченной ролью профсоюзов, большими контрастами между имущими и неимущими. Своеобразна и роль собственника. Прямого участия в делах компании он не принимает. Он управляет не фирмой, а своими акциями. Но даже это он часто поручает инвестиционному фонду. Функции же управления корпорациями выполняет особый круг людей – менеджеров, состоящий из компетентного наёмного персонала.

Что касается возможности собственника влиять на дела, то при этой модели у него сохранились две возможности. Либо голосованием на собрании акционеров, либо “голосованием ногами”, т.е. продажей акций одной и покупкой акций более перспективной компании на бирже. Поэтому как сама биржа, так и курс акций в этих странах играют более серьёзную роль, чем, например, в Германии или Японии, не говоря о Китае, где другие модели экономики и практика управления.

Хотя наше законодательство во многом списано с американского, тем не менее, тамошняя система управления нам не подходит, в том числе по рассматриваемой проблеме. Передача всех прав управления менеджерам, как это сделано там, делает их полновластными собственниками, что будет ещё хуже, чем, то, что есть. У нас нет ни протестантской этики в бизнесе, ни американской традиции следовать закону. Но даже там обнаруживаются скандальные истории о злоупотреблении менеджерами своим положением, а у нас всё может быть хуже. Ничью систему нельзя механически копировать.

В то же время надо не изобретать велосипед, а использовать существующие модели экономики с учётом собственной специфики. На мой взгляд, из европейских нам ближе и больше подходит (и то не слепо!) практикуемая европейскими странами социал-демократическая модель. Иногда её сводят к шведской, что неправильно. Её надо понимать более широко, как свойственную большинству стран континентальной Европы. Разницу между ними Д. Лэйн характеризует следующим образом:

“Континентальная европейская система похожа на социал-демократическую модель, но здесь государство благосостояния развито меньше, финансовая система благоприятна для долгосрочных

корпоративных стратегий, переговоры о заработной плате скоординированы и сохранение рабочего места менее вероятно, чем при социал-демократической модели» [12].

По этой характеристике континентальную модель можно рассматривать как менее развитую социал-демократическую. Что касается названия, то надо признать, что в создание европейской модели кроме социал-демократических партий, немалый вклад вносили и другие политические силы, включая бизнес.

С учётом этого обстоятельства наибольший интерес для нас, на мой взгляд, представляет германская модель, которая включает весьма поучительный опыт корпоративного управления [13]. Она родилась в результате двух социально-политических катастроф, пережитых этой страной. Первой было то, что нацистам удалось похоронить Веймарскую республику, а второй - поражение во второй мировой войне. Они научили германский правящий класс дорожить доверием народа и вести бизнес в неразрывном единстве с ним. Не столько канцлер Эрхард, сколько германский бизнес и социал-демократия являются творцом отношений сотрудничества между трудом и капиталом, что стало известно под названием Sozialwirtschaftsmarkt (Социально-рыночная экономика).

Составной частью этой модели является положенное в основу управления корпорациями «право совместного принятия решений» (Mitbestimmung), по которому собственник не отстраняется от управления, а сохраняет в нем свое участие вместе с представителями рабочего коллектива, государства и профсоюзов. Это нашло свое воплощение в двух ярусной системе управления корпорациями. Первый ярус составляет Vorstand (правление), т.е. то, что у нас называется Советом директоров. Он состоит из профессиональных менеджеров, осуществляющих повседневное технико-экономическое руководство работой возглавляемых подразделений фирмы. Второй ярус Aufsichtsrat переводится как «наблюдательный совет». В компаниях, где две тысячи и большее число работников, на одну половину состоит из представителей трудового коллектива, а на другую - на равных, из представителей собственников и других заинтересованных сторон. Такими могут быть, в частности государство, банки, ассоциации потребителей, поставщики и т.д. В компаниях с меньшим числом работников коллективу обычно отводится треть голосов. Совет директоров подчинен наблюдательному совету, который контролирует его работу, рассматривая дела фирмы, скажем, раз в квартал по принятой процедуре, без вмешательства в его оперативную работу.

Как отмечают многие авторы, изучавшие этот опыт, участие трудового коллектива в делах создаёт новый климат в фирме. Так, М. Альберт пишет: «Хотя наблюдательный совет всегда поставит во главе себя в качестве председателя (который имеет право решающего голоса в случае раскола) представителя акционеров, тем не менее, примечательно, что наемные работники располагают таким сильным голосом в одном из самых важных исполнительных органов. На немецкий взгляд диалог между партнерами является незаменимой смазкой, позволяющей вращаться колесам бизнеса, и снижающей вероятность разрушительных социальных трений» [14].

Благодаря системе совместной ответственности у собственников складываются доверительные отношения, с одной стороны с управляющим персоналом, а с другой с рядовыми работниками. Разумеется, здесь нет того, что есть в японских фирмах пожизненного найма, где все работники по существу превращаются в совместных владельцев компании, а последняя по старой самурайской традиции становится похожей на большую патриархальную семью [15]. Тем не менее, корпоративное управление Германии достигло того, чего раньше не было – в определенной мере преодолен антагонизм между трудом и капиталом. Плоды успеха достаются не только собственникам и менеджерам, но и рядовым работникам, а это резко повысило их заинтересованность в улучшении дел компании. Это видно на их активности в области рационализации и изобретательства.

Германская практика находится в разительном контрасте с тем, что мы видим у себя. Российский собственник строит свои отношения с коллективом предприятия по старой традиции барина с крепостными, и никакого партнёрства с ним не допускает. Он живёт в далёкой каменной башне и выходит оттуда, сопровождаемый надежной охраной, которая ограждает его и его семью не только от возможного нападения килеров, но и от ненависти населения. Не принадлежащих к его клике менеджеров собственник подозревает в воровстве и ставит под жесткий контроль своих «смотрящих». Не доверяет он и коллективу предприятия, за которым зорко присматривает дорого стоящая служба безопасности. Ни в одной цивилизованной стране подобного бизнеса нет. Нам тоже эту ненормальную ситуацию следует изменить.

Перво-наперво необходимо найти механизм исключения возможности единоличного контроля собственника над финансовыми потоками фирмы и бесконтрольного присвоения её доходов. Право собственности должно быть гарантировано, но в пределах учёта также интересов общества и коллектива. Иначе социальных конфликтов не избежать. По германскому примеру определенные полномочия следует передать, с одной стороны квалифицированным менеджерам, а с другой наблюдательному совету, установив, таким образом, прозрачность экономической деятельности. Сфера действия коммерческой тайны должна быть существенно сужена, а способы хозяйствования, включая источники получения доходов должны быть прозрачными и подконтрольными как государству, так и трудовым коллективом.

Едва ли собственники наших стран добровольно согласятся с этим. Они слишком одичали в годы полного произвола, и для их «приручения» понадобятся принудительные действия государства. Необходимо принять Закон о корпоративном управлении, где расписать все стороны деятельности фирм, в том числе права сторон: собственника, коллектива и государства.

При всех условиях печальный опыт прошлых лет повелевает государству выйти из роли нейтрального наблюдателя происходящих в экономике процессов и стать активной силой положительного воздействия на

них. Вместо собственных суждений на этот счёт, приведу то, что предлагает один из лучших на Западе знатоков российской ситуации, далёкий от марксизма и коммунизма профессор Кембриджского университета Давид Лэйн: “Возможным сценарием достижения стабильности России является экономика с ограниченным рынком, регулирующим государством и кооперативными экономическими институтами, в которых менеджмент занимает важное место, и в котором собственность находится в руках взаимосвязанных государства, частного бизнеса и финансовых институтов. Направляемый государством капитализм подобного рода мог бы обеспечить накопление. Будет не только происходить прямое государственное перераспределение ренты, заработанной экспорт-ориентированными отраслями, такими как вооружения, драгоценные металлы и энергоносители, но частные и полу-частные компании будут косвенно финансироваться через государственные институты и банки. Возглавляемая государством политика развития будет включать поддержку космической и атомной промышленности, программное обеспечение, производство вооружений, авиастроение. Частный сектор неспособен предоставить на долгосрочной основе финансовые средства, необходимые для развития этих отраслей” [16].

Трудно заподозрить профессора Д. Лэйна в незнании рынка или предвзятом к нему отношении. Наоборот, он хорошо его знает и указывает на его ограниченный потенциал. Поэтому с его точки зрения естественно, что государство должно делать то, что не могут рынок и частная собственность.

Из всего того, что было сказано выше, вытекает тот вывод, что для нашего спасения нет другого пути кроме выполнения государством своей функции общенародного центра при условии его очищения от накопившейся за эти годы коррупции и бюрократизма, демократического контроля над его органами. Только при этом условии, оно, в союзе с доброкачественным частным бизнесом может быть движущей силой социально-экономического прогресса.

Необходимая нам концепция направляемого государством развития (State-led development) первоначально была выдвинута марксизмом. Но теперь она является составной частью современного экономического мышления, ибо ни одно общество не может больше обходиться без того или иного воздействия государства на экономику. Оставив в стороне советский опыт, скажем о другом. Экономическое чудо Японии, Южной Кореи, Китая, Вьетнама было бы невозможно без государственного воздействия.

Никакого другого велосипеда, кроме того, что оправдало себя на нашем примере и на примере других стран, мы здесь тоже не предлагаем. К сожалению, в годы реформ государство с позором было изгнано из экономики. Теперь, насколько возможно, необходимо его вернуть и восстановить то, что оправдано с исторической и экономической точек зрения. Не знаю как в Украине, а сегодняшняя обстановка в России, на мой взгляд, предполагает создание трёх абсолютно необходимых предпосылок успешного развития экономики.

Первой является возвращение обществу в лице государства рентных отраслей экономики, извлекающих не заработанные ими доходы. Не было никаких экономических и правовых оснований (не говоря о моральных) для их приватизации. Она была проведена вопреки воле и интересам народа. Поэтому приватизацию рентных отраслей надо расценивать как дикий произвол оказавшихся тогда у власти лиц. Природные ресурсы по определению принадлежат всему проживающему на данной территории населению и ни чьей частной собственностью быть не могут. В наших же условиях это тем более верно, что были разработаны и созданы трудом и усилиями всего населения, и только оно имеет право на доходы от их эксплуатации.

Второй является создание системы стратегического планирования, приспособленного к условиям цивилизованного рынка путём перехода к планово-рыночной экономике. Она представляет собой золотую середину между крайностями жесткой централизации советского типа, и действующего по воле волн, самопроизвольного рынка. По ней, как было показано выше, развиваются Китай, Вьетнам, Индия. Ещё раньше на этот путь встали Япония и Южная Корея. Многие другие страны также в разном соотношении используют плановые и рыночные механизмы. То же самое нужно делать и нам, следуя примеру тех, кто имеет успех. Когда-то китайцы учились у нас, теперь нам не грех поучиться у них.

Практикуемая названными странами и предлагаемая здесь модель планирования принципиально отличается от советской. В то время как там задания спускались сверху вниз, здесь фирмы и другие первичные звенья экономики сами разрабатывают свои текущие и перспективные планы-прогнозы, а местные и центральные органы их обобщают. В таком случае государство получает возможность видеть, что следует ожидать, и может предпринимать меры воздействия для достижения заданных целей.

Решающей предпосылкой успеха такого планирования является согласованность определяющих параметров экономического развития: цен, зарплаты и инвестиций. Если цены непрерывно растут, как происходит у нас, то зарплата теряет стимулирующую роль, а инвестиции вообще становятся бессмысленными, поскольку можно легко получать высокие доходы за счёт роста цен без существенных инвестиций в экономику. В такой ситуации «борьба с инфляцией» также не может иметь успеха. Для надёжного зaslona на пути инфляции необходимы, во-первых, планово-рыночная подгонка структуры производства и услуг под реальный спрос населения с помощью регулирования инвестиций; во-вторых, такой контроль над ценами на основные затратно-образующие товары и продукты массового спроса, чтобы зарплата оставалась стабильной и не теряла стимулирующей роли.

Так, в отличие от неоклассической в посткейнсианской концепции цена увязывается с потребностями фирм в инвестициях. Формула цены предусматривает не только возмещение затрат, но и такую надбавку (прибыль), за счёт которой фирмы становятся способными к инвестициям и обеспечению экономического роста. Нам следует принять эту идею как особо ценную для наших условий.

Третьей является чистка государственного аппарата от коррупции. Причина её живучести в терпимости общества. Взяточник редко действует в одиночку, чаще всего действует под прикрытием своего начальства, с которым делится. Пока так продолжается и, «рука руку моет», борьба с этим злом бесполезна. Чтобы разорвать этот тандем оружие одинаково должно быть направлено как против непосредственных взяточполучателей, так и против их начальствующих покровителей.

На наш взгляд, для этого необходимы, по крайней мере, два основных условия. Во-первых, как отмечалось, ограничение коммерческой тайны, чтобы ею не прикрывались нелегальные способы ведения хозяйства и не скрывались источники получения доходов. Без этого нельзя помешать брать и давать взятки. Нужно принять Закон о прозрачности способов получения доходов и создать органы народного контроля над его соблюдением.

Во-вторых, надо пойти на резкое ужесточение законодательной базы выявления и наказания коррупции методами уголовного преследования вплоть до высшей меры и конфискации имущества, а также административного наказания руководителей ведомств, где выявлены факты коррупции. Такие лица должны сниматься с занимаемых постов с лишением их права занимать аналогичные должности, по крайней мере, в течение определенного времени.

Возможность сурового наказания и широкая осведомленность общества о моральном уродстве взяточников, несомненно, окажут оздоровляющее воздействие на потенциальных коррупционеров и их пособников. Они поставят их в такое положение, в котором выбор честного поведения начнет перевешивать возросший риск жестокой кары.

Если всё сказанное свести к теоретической формуле, то речь идёт планово-рыночной модели экономики, конвергентно сочетающей положительные черты плановой системы с достоинствами рыночной экономики. Стратегия выживания диктует нам такой выбор, подобно тому, как это сделал Китай более тридцати лет назад и с тех пор развивающий свою экономику беспримерно высокими темпами. Именно Китайский опыт представляет разумную альтернативу тому, что делается у нас. К сожалению, он крайне скудно освещается и анализируется нами, в то время как на Западе он постоянно находится в центре внимания [17]. Известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Л. Клейн также подвергает критике российских реформаторов, утверждающих, что их стратегии альтернативы нет.

«На самом деле, - пишет Л.Клейн, - жизнеспособные альтернативы существуют. Китайская реформа, о которой было известно еще до середины 80-х годов, пошла по совершенно другому пути. Сельское хозяйство и малая предпринимательская деятельность были полностью экономически раскрепощены или либерализованы. В определенной степени происходила и приватизация, но она никогда не занимала центрального места. В некоторых сферах большое значение придавалось рыночному ценообразованию и индивидуальному принятию решений. Официально провозглашенная цель состояла в модернизации производства на основе рыночного социализма, без резкого массированного внедрения частной собственности» [17].

Нам не следует забывать, что именно в рамках планового хозяйства мы из отсталой страны превратились во вторую сверхдержаву мира, а потому к китайскому опыту следует относиться не с идеологических, а прагматических позиций. Планирование - это то, что мы умели, как никто другой, и отказ от него явился для нас роковым. Каковы бы не были теперь трудности его возобновления, другим способом выживания мы не располагаем. Это, разумеется, не означает возврата к советской практике централизованного планирования. Но в виде идущего снизу индикативного планирования только и представляется возможным обеспечение макроэкономической сбалансированности и жизненно важного для нас экономического роста.

Заключение

Таковы, на мой взгляд, основные черты новой модели экономики, благодаря которой страны Юго-Восточной Азии демонстрируют впечатляющие успехи. Как видно, она глубоко отлична как от западной капиталистической, так и советской социалистической систем развития, которые в силу присущих им крайностей взаимно исключали друг друга. Как японская, так и китайско-вьетнамская модели устраняет эти крайности и вбирает в себя достоинства обеих экономических систем. Благодаря этому они приобрели потенциал роста, который так изумляет мир. Нам следует больше изучать и заимствовать опыт планово-рыночного ведения хозяйства, к чему мы лучше подготовлены как своим лучшим прошлым, так и печальным настоящим.

Список использованных источников

1. Nelson L., Kuzes I. Radical Reform in Yeltsin's Russia. New York: Armonk, M.E. Sharpes, 1995; Wedel J. Collision & Collusion. The strange case of western aid to Eastern Europe. Palgrave for St. Martin's Griffin. 2001.
2. Angresano, James (1997) The Political Economy of Gunnar Myrdal. An Institutional Basis for the Transformation Problem, (Edward Elgar Publishing Limited: UK,US, 1997, p. 28.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. соч., т. 23, с. 9.
4. И. Валлерстайн. Периферия / Экономическая теория. – М.: «ИНФРА-М», 2004, с. 675.
5. Навой А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий // Вопросы экономики, – 2009. – № 2, с. 31.
6. David Coates. 'Models of Capitalism in the New World Order: the UK case'. *Political Studies* (1999), vol. XLVII: 643-660. David Coates. *Models of Capitalism*. Polity Press. (2000) Peter A. Hall and David Soskice (Eds). *Varieties of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press (2000), Bruno Armable. *The Diversity of Capitalism*. Oxford:

Oxford University Press. (2003). David Lane. *Russia's Asymmetric Capitalism in Comparative Perspective*. Paper presented in icsees VII World Congress, Berlin, July 2005.

7. David Lane. *Russia's Asymmetric Capitalism in Comparative Perspective*. Paper presented in icsees VII World Congress, Berlin, July 2005, p. 2.

8. Chitoshi Yanaga. Japanese Business Federations. In *Postwar Japan*. New York: Pantheon Books, 1973, p. 418.

9. Цитировано по Борох О.Н. Современная китайская экономическая мысль. М. Изд.фирма «Восточная литература» РАН. 1998, с.248.

10. Berle A., Means G. The modern corporation and private property. – New York: Macmillan, 1933, p. 356.

11. Eichner A. The macrodynamics of advanced market economies. – Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1991; Lee F. Post Keynesian price theory. – Cambridge: Cambridge university press, 1998.

12. Lane D. Russia's Asymmetric capitalism in comparative Perspective / Paper presented at ICSEES VII World Congress. – Berlin, 2005, July, <http://www.sps.cam.ac.uk/~stafflist/Lane D/AsymmetricCap-ISCEES2005-ISCEES2005.doc>, accessed at 28.07.07.

13. Clarke T., Bostock R. 'International Corporate Governance: Convergence and Diversity' in T. Clarke and Monkhouse(eds), *Rethinking the Company*. 1994. London: Financial Times Pitman.

14. Albert M. Capitalism against capitalism. 1993, p. 112. London: Whurr Publishers.

15. Reishauer E. The Japanese. Tokyo: Charles E. Tuttle Company. 1982, p. 182-190.

16. Lane D. Russia's Asymmetric capitalism in comparative Perspective / Paper presented at ICSEES VII World Congress. – Berlin, 2005, July, <http://www.sps.cam.ac.uk/~stafflist/Lane D/AsymmetricCap-ISCEES2005-ISCEES2005.doc>, accessed at 28.07.07. P. 15-16.

17. Nolan P. China's Rise, Russia's Fall. – New York: St. Martin's Press, 1995.

18. Клейн Л. Что мы, экономисты, знаем о переходной рыночной экономике / Реформы глазами американских и российских ученых. Под ред. О. Богомолова. – М.: «Российский экономический журнал», Фонд «За экономическую грамотность», 1996, с. 33.

УДК 338.2+330.322(045)

ДЗАРАСОВ Р.С.,
ЦЭМИ РАН,
д.э.н., вед.н.с.

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ КРУПНОГО БИЗНЕСА

Введение. Статья посвящена проблеме корпоративного управления и накопления капитала в крупном российском бизнесе. Актуальность данной темы определяется тем, что, несмотря на беспрецедентно благоприятные внешние условия экономического развития страны в 2000-е годы, инвестиции отечественных компаний оказались недостаточны по величине и слишком ущербны по своему качеству, чтобы обеспечить модернизацию производственного потенциала страны, преодолеть сырьевую ориентацию развития, обеспечить международную конкурентоспособность экономики и достойный уровень жизни людей. Этим была определена цель проведенного исследования – выявление институциональных препятствий на пути устойчивого, инновационного роста народного хозяйства нашей страны.

1. Загадка российского капитала

Независимые эксперты не разделяют оптимистическую картину роста инвестиций, создаваемую официальной статистикой. Величина эффективного (т.е. реально используемого для производства) основного капитала упала к 2002 г. в 2,6–2,7 раза в сравнении с дореформенным 1990-м г. [1]. В настоящее время коэффициент выбытия фондов превышает коэффициент их ввода в действие в 2,24 раза [2]. Ежегодно остаточная стоимость основного капитала, измеренная в восстановительных ценах, снижается на 2,75% [3]. Результаты некоторых опросов менеджмента предприятий свидетельствуют, что среди их участников доля компаний, предпринимавших какие-либо инвестиции в 1999–2009 гг., колебалась от 75 до 45%. Примечательно, что даже в 2008 г., т.е. на девятом году оживления экономики и еще до начала кризисного спада, более 30% опрошенных организаций не осуществляло никаких капиталовложений вообще [4]. В условиях выхода из кризиса в середине 2009 г. эта цифра достигла максимума за всё десятилетие, превысив 55%.

Не меньшее значение имеют качественные показатели инвестиций. В середине 2009 г. только 20% обследованных предприятий не требовалась модернизация производственных мощностей. Остальным было необходимо частичное или полное обновление основных фондов [5]. В тот же период лишь 6% обследованных предприятий делали инвестиции, позволяющие обеспечить полноценную модернизацию производства. Остальные осуществляли лишь частичное улучшение производственных мощностей (27%), сохраняли достигнутый уровень (48%) или же технологически деградировали (20%) [6]. Данные официальной статистики [7] предполагают, что в 2000-е гг. физический износ, а не отставание от передовых технологий, был главной причиной замены оборудования российскими компаниями. При этом неэффективная техника продолжала широко применяться. Большинство российских предприятий (87%) покупает отечественное новое и бывшее в